

Я вышел из метро и тут же ощутил, что в привычном городском пейзаже есть новая деталь. Секунду я не мог понять, что изменилось на заснеженной площадке с ларьками, урнами и лавками на колесах, в которых весь год торговали колбасами и газетами. Ах, вот оно что! Над магазинчиком в ряду других магазинчиков было не одно слово, а два. Я тряхнул головой, но слова никуда не делись. МИСТИКА И КОСМЕТИКА. Что за шутка? За год я не менее трехсот раз проходил мимо, и никакой мистики тут не было. Посмеиваясь, я вошел в павильончик. До Нового года оставалось шесть часов. За прилавком скучала девушка в голубом берете. Мыслями она была уже дома., где ей предстояло готовить салат оливье и доставать из холодильника заледневшую бутылку "Советского шампанского". Ничего мистического не было ни в ее аккуратном личике, ни в турецко-французских коробочках с духами, стоявших на полках. Свечка в виде ангела с прозрачными крылышками и ярлыком цены висела на нитке за ее спиной.

— Девушка, а где у вас тут отдел мистики?, — я ждал возмущенно поднятых глаз или даже грубости в ответ, но ничего не последовало. Ее личико не изменилось, оно по-прежнему было сонным и скучным.

— Вон там, — она равнодушно кивнула в угол. В углу были прилавок и за ним ширма, а на прилавке кнопка электрического звонка. Я позвонил и услышал, а вернее, почувствовал какое-то шевеление в невидимом мне углу. Кажется, я даже услышал вздох, словно кто-то, поднимаясь, побеспокоил свои старые кости. Из-за ширмы, расшитой золотыми китайскими драконами, появился старичок с круглой спиной, тощей шеей и продолговатой смуглой головой, накрытой тюбетейкой. Он был в вишневой безрукавке, отороченной по низу серым мехом, синих штанах-галифе с двойными красными лампасами и огромных белых валенках с галошами.

— Здравствуйте, дорогой мой!, — пропел он, потирая маленькие ладони. Его черные раскосые глазки внимательно смотрели на меня. — Холод-то какой! Что желаете?

Это было не просто смуглое старческое лицо со странными глазами. Было в нем и еще кое-что необычное. Стоило присмотреться внимательнее, и вы замечали, что лицо его покрыто сетью мелких, мельчайших и едва заметных морщинок. Лицо было изъедено временем. Когда он говорил, сеть на его лице оживала, шевелилась. На пальце у старика тускло светилось широкое серебристое кольцо.

— А вы чем тут торгуете?

— Исполнением желаний, — сказал он скучно. Он, как и девушка в соседнем отделе, не видел в этом ничего удивительного. А может, ему уже надоели люди с таким вопросом.

— Исполнением желаний?, — я усмехнулся. — Ну и какие же желания вы тут исполняете?

— Любые!, — с сердитой обидой, а может, и с накопившейся досадой отвечал морщинистый старичок и шаркнул валенками, подходя к прилавку.

— У меня много желаний.., — развеселился я. — Например, такие...

— Но только по одному на человека!, — он выставил вперед темную узкую ладонь, останавливая поток слов и дешевую иронию. На мгновение я увидел эту ладонь с такой отчетливостью, словно рассматривал увеличенную карту в Google Maps. Линии на этой темной ладони были глубокие, и их было много, словно в старческой ладошке отпечаталось устье великой реки. Но больше всего меня удивили пальцы. Они были узкими и невероятно-длинными. Что-то нечеловеческое было в этой детской ладошке с гибкими, заостренными пальцами.

— Вот странно, а почему я вас раньше здесь никогда не видел? Весь год здесь ходил...

— А потому вы меня никогда не видели, — по-прежнему скучно и привычно, но и ноткой раздраженной поучительности отвечал старик — что волшебство происходит только с шести до семи вечера в последний день года. Этот час, к вашему сведению, окно, которое Он открывает для нас уже на протяжении восьми веков, — и без того узкие глаза его вдруг еще сильнее сузились, и он стал похож на старого монгола, каким-то диким историческим ветром занесенного на зимнюю Шаболовку. — Еще знать что-то хотите? Или вам достаточно? Лучше поспешите... у меня до закрытия четверть часа!

Он все время сбивал меня с толку и путал своим обликом. Я никак не мог понять, на кого он похож. То мне казалось, что в его лице есть что-то от старого индейца, способного смотреть долго и без всякого выражения, а то вдруг я преисполнялся уверенности, что это узкое смуглое лицо с выпирающими подглазьями принадлежит монгольской степи и тибетским нагорьям.

Алексей Поликовский

ЧАС ЖЕЛАНИЙ

Рождественская сказка

Живопись: Галина Яцковская

В любом случае он был, как теперь говорят, мигрант, а может, даже и нелегальный. Потому что кто же ему даст лицензию на торговлю исполнением желаний? Наверняка он торговал без лицензий и разрешений, что, в общем-то, не вызывало у меня удивления: и у Будды не было лицензии, и у Христа, и пророка Иеремии тоже... В истории вообще редко найдешь деятеля, который заранее получает лицензию... Меня, конечно, не оставляло ощущение, что он меня морочит.

Край ширмы за его спиной был отодвинут, и я видел обстановку конурки: стол, на котором лежала большая лупа в красной медной оправе, рядом толстая раскрытая книга страниц в шестьсот и песочные часы. Песок тихо пересыпался из одной стеклянной сферы в другую. На углу стола горела толстая фиолетовая свеча, и до меня доносился сладкий аромат то ли лаванды, то ли сирени. В углу, на полу, стоял древний рефлектор с раскаленной спиралью. Этот рефлектор — сияющая зеркальная чаша и торчащая из неё раскаленная спираль — почему-то больше слов старика убедил меня в том, что он способен на чудеса. И ещё — широкое тусклое кольцо на пальце одной руки, которое он иногда покручивал, взяв его большим и указательными пальцами другой. Причем покручивал через равные промежутки времени. И каждый раз, когда он его крутил, раздавался тихий, но совершенно очевидный щелчок, причем он исходил не от старика, а каким-то образом звучал то ли вокруг меня, то ли сверху.

— Желание, говорите?, — я задумался. Вот если представить себе, что этот старик со странным лицом, вмещающем в себя мимику ацтека и видения Востока, может и вправду исполнить любое мое желание, то чего бы я захотел? Чего ты хочешь? Вопрос этот поставил меня в тупик. Стоя в зимних сапогах у обшарпанного прилавка и видя болезненно-яркие огни рекламы в окне, я вдруг ощутил тяжесть зимы. Зима давила мне на плечи грузной китайской курткой на синтепоне, она стекала грязным снегом с моих сапог на линолеум этой странной лавочки, по которой бродил старый мистик или старый плут в валенках с галошами. Дело в том, что я, как и все жители мегаполиса и обитатели современного мира, уже давно не имел иных желаний, кроме бытовых и общепринятых, то есть на самом деле не имел никаких. Потому что желания, пробуждаемые рекламой, это не мои желания, а желания, возникающие при виде витрины магазина, это труха жизни, а не жизнь. Но чего хочу я, именно я? Я снял шапку и понял, что лоб у меня вспотел. Это древний рефлектор жарил мне прямо в лицо или внутри меня поднимался жар волнения?

— А другие люди, они, например, чего хотят от вас, вы мне не скажете?., — спросил я старика, желая выиграть время и обрести почву под ногами в том мире, который начинал медленно вращаться вокруг меня. Свечка качнулась, язычок пламени дрогнул, песок бесшумно пересыпался вниз. В окнах магазинчика вдруг стало темно, как будто их снаружи залепили черной копиркой. Даже красная реклама Евросети пропала. Старик вновь передвинул кольцо на пальце, и я снова услышал сухой щелчок. Его суставы так щелкают, что ли? Но почему я слышу этот ритмичный шелк откуда-то сверху, с низкого потолка... или с высокого неба над крышей этого убогого магазинчика?

— Богатства, здоровья, любви..., — вздохнул старик, зябко обнимая себя за плечи и потирая предплечья ладонями. Его узкая голова была чуть откинута назад, глаза пристально и грустно смотрели мне в лицо. Вдруг я увидел, что теперь его длинные пальцы сами собой складываются в те странные фигуры, которые знатоки одной мистической практики называют мудрами и хастами. Складывая пальцы определенным образом, они влияют на мир и свое собственное сознание. Старик был не первый человек в моей жизни, кто так складывал пальцы: я знал одну женщину, которая занималась этим целыми днями... — Всегда одного и того же. Ну и холодно же здесь у вас!

— А конкретно?

— Да вы, верно, думаете услышать что-то интересное, — сказал он, и пальцы его перепрыгнули в новую позицию. — А это совсем не такое интересное дело, как вам кажется, исполнять человеческие желания...

— А все-таки? Мне нужно было хотя бы несколько лишних минут, чтобы сообразить, как вести себя в столь необычных обстоятельствах. Конечно, все это небывальщина и бред, но, с другой стороны, любая небывальщина в этом мире рано или поздно становится правдой. Еще мне казалось, что я, возможно, сейчас проснусь, и тогда мне не придется принимать решение. Мне очень не хотелось принимать решение и еще, честно говоря, я не знал, чего хочу! Удлиненные, странно гнущиеся во все стороны пальцы старика легко пришли в нормальное положение и снова повернули кольцо. Снова что-то щелкнуло.

— Вот перед вами сюда приходил бомж, он желает в следующем году быть владельцем крупной нефтяной компании. Приходил шофер "Газели", просил сделать его любовником Кристины Агилеры... А вот ещё, мальчик был лет десять, умолял просто, чтобы «Спартак» в следующем году стал чемпионом...

— Будет?, — спросил я с большим интересом.

— Будет ваш «Спартак» чемпионом, не волнуйтесь, дорогой мой, — отвечал старик. — Помешались вы все на этом «Спартаке», что ли? Ну, решились на что-нибудь? Нет? В нерешительности, как всегда? Он вздохнул. —Ладно, пойдите подумайте минут пять, покурите — вы же курите? — глядящи, и сумеете сосредоточиться. У вас ровно десять минут!

Я понял, что все это странный старик уже видел множество раз: неверие, удивление, сомнение, медлительность мысли, вялость чувства и отсутствие желаний. Я вышел на улицу. Красная реклама снова вернулась на свое место. Это была прежняя, обычная улица с неуклюжими фигурами людей, с желтыми прямоугольниками витрин, с цветными огоньками на маленькой серебристой елке в дверях кафе. Чего пожелать? Чего, черт возьми, пожелать на Новый год обыкновенному москвичу сорока двух лет, офисному сидельцу и потребителю пива, читателю новостных лент и участнику ежемесеячных корпоративных пейнтбольных сражений? Как выплести из сена и соломы, набитых в душу газетами и интернетом, ту самую единственную, чистую, ясную, прекрасную вещь, которую я хочу?

Я напоминал сам себе человека, который должен написать поздравительную открытку близкому другу и не может найти никаких иных слов, кроме самых банальных и поэтому самых ужасных: желаю богатства, здоровья и успеха. И ничего больше! Я всем желал в этом мире здоровья, богатства и успеха, и себе тоже, но теперь, когда — предположим! — я был в минуте от исполнения своего одного-единственного заветного желания, я вдруг понял, что не знаю, чего хочу. Низкой квартплата? Высокой зарплаты? Бесплатного пива круглый год? Бери выше, счастья на всю жизнь? Но счастье это как-то очень неконкретно... сделка без ясных контуров... для счастья тоже нужен бизнес-план или хотя бы график осуществления... и мысль моя почему-то устремилаcь совсем в другую сторону. Вдруг в черном воздухе декабрьского предновогоднего вечера перед моими глазами стали возникать прозрачные тени друзей, какими они были двадцать лет назад, и красивых смеющихся женщин с распушенными волосами, и на уровне карниза вдруг возник маленький серый котенок и пошел ко мне по тонкой линии света, смешно перебирая лапами. Этот котенок, Бенья, был у меня много лет назад... Вдруг я понял, что это уже заработал механизм исполнения... исполнения одного-единственного моего желания... о котором я сам пока еще не знал, какое оно. Видимо, я выбрал возвращение в прошлое, и старик там, в магазинчике, принял за дело со своим серебристым кольцом. Может быть, он сейчас изо всех сил крутил у себя на пальце кольцо, и от пальца шел дым, и время моей жизни тяжело и неохотно начало сдвигаться назад. Назад в молодость.

Но стоп, (беззвучно крикнул я сам себе), я еще не решил! Я боялся продепешить. Вернувшись в молодость, я ничего не выиграю, потому что меня снова захватит поток минут и лет, и я снова довольно быстро вернусь в мой нынешний возраст и опять попаду в эту наполненную холодом временную ловушку у стеклянных дверей магазинчика, на краю крыши которого все также белели непонятные буквы МИСТИКА И КОСМЕТИКА. И я забегал взглядом вокруг себя, цепляясь за прохожих в поисках отгадки и видя, что они идут мимо удивительной вывески и не обращают на нее никакого внимания. Оля-ля! Оп-ля! Я сошел с ума? Или уже никого в Москве не удивляет связь мистики с косметикой, Анд с Шаболовкой, монгольской степи с трамваем 39 маршрута?

Бродячий рыжий пес с грустными глазами, лежавший, положив голову на лапы на заснеженном асфальте у входа в кафе, вдруг приподнял морду и зевнул. В уши пса втекал ровный рокот города, глаза его видели миллионы людских ног, спешащих во все стороны. Но сам он оставался на месте, никому не нужный, не имеющий хозяина. Я подумал, что для собаки не иметь хозяина — величайшее несчастье... скитаться по улицам и повсюду испытывать это старое, притершееся ощущение брошенности и сиротства. Иметь мускулы и пасть, волю и характер, носить в себе преданность и надежную силу, готовую послужить хозяину — и при этом знать, что хозяина у тебя нет и не будет, хотя он есть у вон той никчемной болонки, которую выносят гулять на руках, и у вон той пискливой таксы, бегающей на длинном поводке и тонких ножках. Что, если сделать широкий жест и осчастливить пса? Сделать так, чтобы

он не мерз под снегом, а лежал сейчас в сладкой дреме на чуть потертом ковре, вдыхая чутким носом острый запах еловых иголок, ощущая восхитительный аромат буженины, которую режут любимейшие и прекраснейшие хозяева на кухне... люди... его собственные люди... которым можно ткнуться мордой в колени и ощутить их ладонь на загривке.

Я курил, уже обжигая пальцы. Я вцепился в этот Kent, как в спасительную соломинку. Решения все не было. Я думал, но ни на чем не мог остановиться. Становилось холоднее, у меня мерзли уши. И вдруг это все-таки дурацкая шутка, и старик сейчас скинет безрукавку, превратит свои хасты и мудры в обыкновенную фигу и с хохотом окажется хозяином магазинчика, валяющим дурака с помощью нехитрого реквизита и коробки грима? К тому же, я не спросил у него о цене. Какова ныне цена чуда, черт возьми? На десять процентов дороже, чем в прошлом году? С учетом инфляции? Сколько стоит? Продается в кредит? Я злобно швырнул окурок, ветер с не меньшей злобой подхватил его и, разбрасывая искры, со свистом унес во мглу. Я опять вошел в павильон, — решительный и раздраженный дальше некуда! Девушка стояла у прилавка в беретике и пальто.

— Закртыо уже!, — недовольно бросила она.

— А старик из отдела мистики?

— Ушел! Мужчина, вы бы еще дольше думали!, — с презрением бросила она.

Как ушел? Никто из магазинчика не выходил! Но черной ширмы с золотыми драконами не было. Стол, на котором пять минут назад лежали лупа в медной оправе и книга с ветхими страницами, был гол и пуст. Свеча тоже исчезла. Правда, песочные часы стояли на краю стола, и песок в них больше не тек тонкой струйкой. Остался на месте и древний рефлектор, но его спираль больше не пылала нежным розовым жаром. Она была мертвенно-серой. На гвоздике, вбитом в стену, висел маленький серебряный ключик с витой верхушкой, в центре которой темным кровавым светом мерцал камушек. Я усталился на этот камешек, в котором медленно ворочался багровый свет, и вдруг понял с какой-то пронзительной, неопровержимой ясностью, что это ключик от двери туда — в тот мир, где исполняются желания и где на вершинах гор сидят вечные грифы и по желтой степи скачут на конях с развевающимися гривами узкоглазые всемирные мигранты. Туда старик и ушел, даже не сообщив мне цену. Даже цену я не узнал, вялый тюфяк! Он исчез ровно на год, оставив ключик залогом своего возвращения, и я ощутил ужасное разочарование и сердечную пустоту, так, словно я был ребенком и не нашел под елкой подарка. А он всегда там был на Новый год.

Я вышел на улицу и огляделся. Все было как всегда. У метро гулял миллиционер с дубинкой. Подростки с хохотом пили пиво. Вывеска на магазине, как ей и положено, состояла из одного слова. Никакой мистики больше не было, была только всегдашняя косметика. Улица была укрыта снегом — пустынная, белоснежная и таинственная. Мимо бесшумно проплыл освещенный трамвай, и я увидел за стеклом девушку в голубом берете, которая закрыла магазин и ехала домой. Она сидела в полупустом трамvae, и ее лицо с той стороны желтого трамвайного окна было отрешенным, задумчивым и красивым. Вдруг с высоких ледяных небес снова что-то сухо щелкнуло. Что, черт возьми, тут все время щелкает? Я посмотрел в небо, но там были только звезды.

Ветер дул в лицо, я надвинул шапку поглубже. Меня ведь тоже ждал дом с елкой, друзья, шампанское. Все только что бывшее казалось мне мимолетным сном наяву. Но длинное лицо старичка с узким подбородком и выпирающими подглазьями я запомнил отчетливо. Старичок был! Его неестественно-длинные пальцы складывались в странные фигуры, и сеть мельчайших морщинок на лице жила своей жизнью... Тут вдруг я почувствовал, что на улице не один. Я обернулся — вслед за мной, оставляя в снегу четкие отпечатки лап, медленно брел большой рыжий пес, которого я приметил еще у метро. Он увидел, что я смотрю на него, и затрусил побыстрее, догоняя меня, и короткий обрубок его хвоста радостно задвигался из стороны в сторону, приветствуя только что обретенного хозяина.

